

СООБЩЕНИЯ

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И ЯПОНИЕЙ в 1925 году *

Л. Н. Кудашев

Миролюбивая политика Советского Союза в отношении Японии не является политикой лишь сегодняшнего дня. Она выражает общий внешнеполитический курс Советского государства, неизменно стремящегося к дружбе и сотрудничеству со всеми странами, независимо от их политического строя и господствующей в них идеологии.

Великая Октябрьская социалистическая революция выдвинула на первый план в международной политике проблему взаимоотношений двух социально-экономических систем: социалистической и капиталистической. Борьба между ними составляет основное содержание эпохи перехода от капитализма к социализму. В. И. Ленин в своих трудах показал, что эта борьба может и должна проходить в условиях мирного сосуществования.

На основе ленинского принципа мирного сосуществования Советское государство всегда строило свою политику и по отношению к Японии. Однако японские правящие круги не приняли предложений Советского правительства об установлении нормальных добрососедских отношений и встали на путь вооруженной интервенции против молодой Республики Советов, надеясь отторгнуть от нее богатейшие районы Сибири и Приморья. Япония стремилась поставить в кабальную от нее зависимость созданную в те годы Дальневосточную республику. Конференции представителей ДВР и Японии в Дайрене (1921—1922 гг.) и Чаньчуне (1922 г.) по поводу нормализации отношений не дали результатов. Но героическая борьба народов Дальнего Востока, поддержанная всей Советской Россией, опрокинула расчеты Японии и ее белогвардейских ставленников.

В октябре 1922 г. японские оккупанты были выброшены с территории Советского Дальнего Востока. И хотя под контролем японской военной еще оставался Северный Сахалин, было ясно, что японская авантюра не удалась. Последний очаг гражданской войны и интервенции на территории Советской России был погашен. 15 ноября 1922 г. Президиум ВЦИК в соответствии с просьбой трудящихся Дальнего Во-

* В настоящей статье делается попытка осветить на основе архивных и опубликованных источников историю советско-японских переговоров 1923—1925 гг. о восстановлении дипломатических отношений между двумя странами. В советской и иностранной литературе этот вопрос не нашел сколько-нибудь полного отражения. В монографии Н. Л. Рубинштейна «Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 гг.» (Госполитиздат, 1953) советско-японским отношениям в 1923—1925 гг. посвящено немногим более трех страниц, причем главным образом анализируется советско-японская конвенция, подписанная 20 января 1925 года. В коллективном труде «Международные отношения на Дальнем Востоке 1840—1949 гг.» (изд. 2-е. М. 1956) также не освещается ход переговоров и дана лишь общая характеристика тогдашней обстановки. В работе японского автора Акаги «Внешние отношения Японии» (R. N. Aka gi. Japans Foreign Relations. Токуо, 1935) рассматриваемому вопросу уделено несколько страниц. В книге отсутствует анализ борьбы, происходившей на конференции и вокруг нее, но читатель может почерпнуть некоторые сведения о позиции японского правительства в отношении переговоров.

стока провозгласил ДВР «нераздельной частью РСФСР». Советское государство восстановило свои законные права на Дальнем Востоке.

В конце 1922 г. произошло объединение Советских Социалистических Республик в единое союзное государство. Образование СССР знаменовало собой рост влияния Советского государства во всех международных делах.

С этим не мог не считаться капиталистический мир. В конце 1922 г. В. И. Ленин говорил: «...экономические отношения, а за ними отношения дипломатические налаживаются, должны наладиться, наладятся непременно. Всякое государство, которое этому противодействует, рискует оказаться опоздавшим и, может быть, кое в чем, довольно существенном, рискует оказаться в невыгодном положении»¹.

Восстановление Советским государством своих законных исторических прав на Дальнем Востоке, укрепление внутренних и международных позиций СССР, дальнейшее обострение империалистических противоречий на Тихом океане со всей остротой ставили перед японскими правящими кругами вопрос об отношениях с Советским правительством. Военный метод разрешения проблемы советско-японских отношений показал свою несостоятельность. Японским агрессорам пришлось с позором уйти с территории Советской России. И Япония, заинтересованная в урегулировании ряда политических и экономических вопросов, которые она не могла решить без Советского Союза или вопреки ему, вынуждена была искать мирных соглашений.

20 февраля 1923 г. депутаты парламента от партии «Кокусин курабу», представлявшей интересы мелкой торговой городской буржуазии, внесли в парламент проект резолюции о немедленном признании СССР. Это предложение было поддержано рядом обществ и коммерческих ассоциаций Осака, Токио, Йокогамы. Однако парламент отклонил его под давлением военщины, надеявшейся на возобновление интервенции и сохранение под своим контролем Северного Сахалина. Враждебную СССР позицию занимали также концерны Мицуи и Мицубиси, заинтересованные в разработке нефти и угля на Северном Сахалине². Несмотря на это, торговые палаты ряда крупных городов продолжали настаивать на урегулировании советско-японских отношений. В начале апреля торговая палата крупнейшего экономического центра Японии Кобе призвала правительство немедленно восстановить торговые связи с Россией³.

Активно выступали за нормализацию отношений и рыбопромышленники Японии, заинтересованные в заключении соглашения о ловле рыбы в советских водах. Если в период гражданской войны и существования Дальневосточной республики японские рыбопромышленники безнаказанно занимались ловом в водах Советского Дальнего Востока, то после эвакуации японских войск такое положение сохраняться не могло. Советское государство принимало меры к тому, чтобы прекратить хищнический лов рыбы в своих водах.

Требования признания СССР высказывались широкой общественностью Японии.

Укрепление внутреннего и международного положения Советского государства, покончившего с иностранной интервенцией и успешно восстанавливавшего разрушенное войной хозяйство, оказывало огромное влияние на международное рабочее движение. Трудящиеся Японии, как и других стран, все активнее выступали в защиту СССР. Активным сторонником развития отношений с Советской Россией явилась Генеральная федерация труда, руководившая рабочим движением в стране. Она насчитывала в своих рядах 30 тыс. членов, имела около 60 отделений

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 398.

² См. газеты «Осака Майници». 10 марта 1923 г.; «Хоупин Ници-ничи», 22 марта 1923 года.

³ Архив внешней политики (АВП) СССР, ф. 146, д. 5, л. 11.

во всех промышленных центрах страны. На ее съезде в 1922 г. были сформулированы семь основных требований к правительству, в том числе 8-часового рабочего дня, установления минимума заработной платы, отмены полицейского закона об общественной безопасности, признания Советской России. На съезде федерации в 1924 г. пункт о признании СССР был также записан в качестве одного из важнейших⁴.

Развернула свою деятельность «Японская ассоциация земельных арендаторов», возникшая в 1922 г. и объединявшая в своих рядах арендаторов большинства районов страны. В состав ассоциации входило 50 тыс. глав семей и 150 тыс. представителей молодежи и женщин. Она издавала журнал «Земля и свобода» («Тоци то дзию») и «Японскую крестьянскую газету» («Нихон номин симбун»). Ассоциация арендаторов поддерживала требование установления отношений с СССР⁵.

Широкий характер приобрело студенческое движение «за изучение общественных наук», имевшее центром «Общестуденческую ассоциацию», переименованную в августе 1924 г. в «Студенческую ассоциацию общественных наук». Ассоциация охватывала 50 учебных заведений и насчитывала около 1500 активных членов. Передовое студенчество принимало участие в движении за оказание помощи голодающим в Советской России, в борьбе против милитаризма, за признание Советской республики⁶.

В Японии образовался целый ряд общественных содействий сближению с Россией. В начале мая 1923 г. в Токио состоялся многотысячный митинг, участники которого требовали признания Советского государства и установления с ним экономических и политических отношений.

Японские правящие круги вынуждены были считаться с настроением масс. Они стали искать повода для начала переговоров. Таким поводом послужило приглашение в декабре 1922 г. советского дипломатического представителя в Пекине Иоффе в Японию для лечения.

Весной 1923 г. английская реакция добилась резкого ухудшения англо-советских отношений. Над нашей страной нависла угроза новой интервенции. В этих условиях Советское правительство поручило Иоффе начать переговоры о нормализации советско-японских отношений⁷.

Сношения советского представителя с японским правительством осуществлялись через сторонника развития отношений с СССР мэра Токио Гото, который передавал письма Иоффе премьер-министру Като и министру иностранных дел Уцида и сообщал мнение последних о предварительных условиях возобновления переговоров⁸.

Одновременно с политическими переговорами советский представитель в целях установления контакта с кругами, непосредственно заинтересованными в развитии экономических отношений с нашей страной, начал переговоры с японскими рыбопромышленниками по вопросам рыболовства в советских водах.

На 20 марта 1923 г. Дальневосточный ревком назначил торги рыболовных участков, объявив, что иностранцам, имевшим арендную задолженность, участки будут предоставлены лишь после погашения последней. 19 февраля 1923 г. японский консул направил Дальревкому памятную записку, в которой заявлялось, что переговоры по рыболовным вопросам должны быть проведены как составная часть общего соглашения по вопросам торговых взаимоотношений. В записке, составленной в угрожающих тонах, советским властям «рекомендовалось» во «избежа-

⁴ Журнал «Кайдзо», 1925, № 1, стр. 2—5.

⁵ Там же, стр. 6—9.

⁶ Там же, стр. 11—12.

⁷ АВП СССР, ф. 146, д. 65, л. 5.

⁸ Там же, л. 6.

ние конфликта» не публиковать каких-либо заявлений о предоставлении всем вообще иностранцам права участвовать в торгах. В заключение указывалось на желательность предоставления японским рыбопромышленникам 340 рыболовных участков из числа тех, которые находились у них в эксплуатации в 1922 году⁹. Таким образом, японское правительство пыталось диктовать свои условия Советскому Союзу, установить полную монополию на рыболовный промысел в водах Дальнего Востока.

Угрозы японских империалистов не запугали Советское правительство. 2 марта Совнарком РСФСР принял постановление о порядке эксплуатации рыбных и морских звероловных промыслов на Дальнем Востоке. Согласно постановлению, все договоры, заключенные до дня воссоединения ДВР и РСФСР, аннулировались. Участки для промыслов в советских территориальных водах, за исключением бухт, закрытых для иностранного промысла по стратегическим соображениям, а также рек, вдоль которых селились русские переселенцы и местные племена, предоставлялись в аренду с публичных торгов как советским гражданам, так и гражданам других государств. Специально оговаривалось, что предпочтение будет отдаваться представителям государств, имевших соглашения с правительством РСФСР о рыбных и морских звероловных промыслах¹⁰.

Постановление вызвало большой шум в японской прессе. В газетах писали о намерении японского правительства предъявить СССР протест, ссылаясь на Портсмутский договор и рыболовную конвенцию 1907 г., якобы предусматривавших, что только русские и японцы могут пользоваться правами рыболовства на Дальнем Востоке. Япония грозила игнорировать постановление СНК РСФСР и, основываясь на полученных ею от царского и Временного правительств разрешениях, заниматься рыболовством в советских водах под охраной своих военных кораблей.

В ответ на это советский дипломатический представитель в многочисленных интервью и беседах с японскими политическими руководителями указывал, что между государствами, которые не признают друг друга ни де-юре, ни де-факто, не может быть и речи о действительности старых договоров. К тому же Япония сама грубо нарушила Портсмутское соглашение своим участием в антисоветской интервенции, захватом КВЖД, оккупацией Северного Сахалина и другими агрессивными действиями. Иоффе категорически заявлял, что Советское правительство не признает царских договоров, а также соглашений, заключенных с белогвардейцами, и расценивает самовольные действия Японии в советских дальневосточных водах как пиратство. Советское правительство настаивало на необходимости разрешить весь комплекс советско-японских отношений на русско-японской конференции¹¹. Эта позиция основывалась на нормах международного права, а также на декретах Советской власти, аннулировавших договоры и соглашения царского и Временного правительств.

Переговоры с японскими рыбопромышленниками шли медленно. Лишь 21 мая в Токио было подписано первое соглашение. Заинтересованность рыбопромышленников, давление народных масс сыграли свою роль. Япония вынуждена была признать советские требования. В соответствии с соглашением, японские промышленники обязались уплатить арендную плату за пользование рыболовными участками в 1920—1921 гг. в сумме свыше 3 млн. иен, из них 1,7 млн. иен немедленно внести на счет Советского правительства. В связи с этим Японии было разрешено снять в аренду 255 (из 511) рыболовных и 14 (из 47) краболовных

⁹ См. «Известия», 11 февраля 1923 года.

¹⁰ АВП СССР, ф. 146, д. 5, лл. 7—9.

¹¹ Там же. л. 5.

участков — всего на сумму свыше 1 100 тыс. золотых рублей¹². Одновременно было решено создать комиссию для определения суммы недоимок за пользование Японией рыболовными участками в 1917—1922 гг., а также штрафов за нарушение правил рыболовства.

Заключение соглашения означало победу советской дипломатии. Япония вынуждена была отказаться от бесконтрольного лова в советских водах и признать суверенитет СССР над ними.

Японские правящие круги добивались решения экономических вопросов без урегулирования политических проблем: установления дипломатических отношений с нашей страной и эвакуации Северного Сахалина. Японская военщина, антисоветски настроенные группировки крупной буржуазии, монополии, заинтересованные в эксплуатации богатств Северного Сахалина, тормозили решение политических вопросов. Советское правительство не могло согласиться с такой позицией. Поэтому 21 мая 1923 г. оно подписало лишь временное соглашение с Японией, определив условия рыболовства только на сезон 1923 года. Тем самым оно подчеркивало, что без решения политических проблем не могут быть прочными и экономические взаимоотношения.

Между тем все более широкие круги японского населения требовали установления нормальных отношений с Советским Союзом. Премьер-министр Като отметил в одной из своих речей в конце мая усиление интереса японской общественности к развитию связей с СССР и налаживанию с ним дружественных отношений. «Вопросы переговоров о признании и сближении, — сообщал из Токио советский представитель, — занимают всю прессу»¹³. Гото опубликовал специальное заявление, в котором подчеркивал, что политика дружбы с Россией завещана самим императором Мэйдзи. Пытаясь оказать на свое правительство, Гото заявил, что отказывается вести неофициальные переговоры, и настаивал на том, чтобы они перешли в официальную стадию.

Однако в правительстве не было достигнуто единства, и премьер-министр предложил советскому представителю считать все прежние переговоры несуществовавшими и начать новые неофициальные переговоры, однако через специально на то уполномоченных чиновников¹⁴. Советское правительство согласилось с этим и в середине июня 1923 г. назначило Иоффе чрезвычайным и полномочным представителем для переговоров с Японией. С японской стороны уполномоченным был назначен Каваками¹⁵.

Переговоры Иоффе — Каваками начались 28 июня и продолжались до 3 августа 1923 года.

В первом же своем выступлении Каваками воспроизвел претензии, предъявленные японским представителем на Чаньчуньской конференции. Как известно, тогда Япония настаивала на принятии ДВР 17 требований, которые ставили Дальневосточную республику в зависимое от нее положение, и отказывалась от эвакуации Северного Сахалина. Теперь путем грубого нажима японское правительство хотело добиться осуществления той же самой программы. Такая попытка была заранее обречена на провал. Советский представитель прямо заявил, что на подобных условиях он вести переговоры не будет¹⁶. Японские дипломаты стали вносить более реальные предложения, однако было ясно, что они намеревались тянуть переговоры без конца.

Враждебные СССР империалистические и милитаристские круги Японии оказывали давление на свое правительство. Накануне переговоров японское военно-морское министерство было уведомлено о том,

¹² Там же, л. 45.

¹³ Там же, лл. 56—57.

¹⁴ Там же, л. 73.

¹⁵ Там же, л. 94.

¹⁶ Там же, л. 49.

что на Сахалине предполагаются богатые месторождения нефти. Стремясь освободиться от американской нефтяной зависимости, японские монополии возлагали большие надежды на Сахалин. Для производства изысканий министерство выдало 1,5 млн. иен обществу «Кокусина», в котором участвовали крупнейшие монополии: Мицубиси, Окура, Таката и др.

Японские капиталисты были заинтересованы также в добыче каменного угля на Северном Сахалине. Разработкой угольных месторождений занимался один из крупнейших японских концернов — Мицуи.

Японская военщина не оставляла планов провокаций новых конфликтов на советских границах. Несмотря на провал интервенции, начиная с осени 1922 г. усиленно пополнялись гарнизоны в Северной Корее и Северной Маньчжурии. Известные надежды военщина возлагала на авантюру генерала Пепеляева в Якутии в весенне-летний период 1923 года¹⁷. Формировались различные военные и полувозрожденные белогвардейские организации: «Союз казаков Дальнего Востока», «Бюро по делам русских эмигрантов» и др.

Немалое воздействие на правительство, затягивавшее переговоры, оказывала также политика других капиталистических держав, пытавшихся помешать японо-советскому сближению. Англия и США, стремясь втянуть Японию в общий антисоветский фронт, проводили энергичную антисоветскую кампанию. Они всячески старались сорвать советско-японские переговоры, «разъясняли» японскому правительству «опасность» установления отношений с СССР. Дело не обходилось и без прямых угроз¹⁸.

В ходе переговоров японские представители довольно откровенно формулировали программу, имевшую целью осуществить захват Северного Сахалина и навязать Советскому Союзу выгодные для Японии экономические соглашения. Японская сторона предлагала два варианта решения сахалинского вопроса: а) продажу русской части Сахалина Японии за 150 млн. иен; б) предоставление японскому обществу долгосрочных концессий на эксплуатацию нефтяных, угольных и лесных богатств острова, а также железных дорог сроком на 55—99 лет. Выдвигалось требование о предоставлении концессий и в других местах русского Дальнего Востока. Не был забыт и пресловутый николаевский вопрос¹⁹. Согласно японским предложениям, Советское правительство должно было выразить сожаление по поводу убийства японского консула и японских граждан в Николаевске и признать себя обязанным возместить убытки. Япония настаивала на признании договоров и долгов дореволюционных правительств, а также возвращении частной собственности японским гражданам. Выдвигалось требование гарантировать при заключении торговой конвенции «безопасность подданных обеих сторон, уважать частную собственность, предоставить свободу торговли и промысла»²⁰.

Советский представитель заявил, что Советское правительство не может согласиться на продажу Сахалина, признание обязательств и

¹⁷ Генерал Пепеляев при поддержке Японии и США организовал выступление в Якутии в сентябре 1922 года. Однако в июне 1923 г. его банды были ликвидированы Красной Армией (см. газета «Дальневосточный путь», 3 июля 1923 г.; «20 лет Якутской автономной республики». Якутск. 1938).

¹⁸ АВП СССР, ф. 0146, д. 50, лл. 1—4.

¹⁹ Так называемый николаевский инцидент был спровоцирован японскими военными кругами в марте 1920 года. Окруженные в Николаевске-на-Амуре партизанскими отрядами японские части 28 февраля 1920 г. капитулировали и заключили с командованием партизан договор о мире и дружбе. Однако 11 марта они вероломно напали на партизан. Центром японского сопротивления явилось помещение консульства, которое было обстреляно партизанской артиллерией. В огне погибли все засевшие там японские солдаты и офицеры. Этот инцидент в течение ряда лет служил японской военщине предлогом для различных провокаций.

²⁰ АВП СССР, ф. 146, д. 5, л. 48.

долгов царского правительства, возвращение частной собственности японским подданным. Он доказал виновность японской военщины в николаевских событиях. В то же время Иоффе указал на возможность предоставления Японии концессий на Сахалине и в других районах русского Дальнего Востока. С оговоркой — «в пределах законов СССР» — признавалось приемлемым предложение о предоставлении некоторых гарантий при заключении торговой конвенции²¹.

Переговоры показали японским кругам, что СССР не примет невыгодных для него условий, и они вынуждены были смягчить некоторые свои требования. Так, было заявлено о согласии Японии сократить сумму и отсрочить уплату долгов царского правительства, снять требование о материальном возмещении убытков за николаевский инцидент. При условии принятия Советским правительством всех японских требований японское правительство соглашалось определить срок эвакуации своих войск с Северного Сахалина. Как видим, уступки японской стороны не носили конструктивного характера и не свидетельствовали о ее намерении урегулировать отношения с СССР.

Советский Союз не хотел, чтобы японское правительство, бесконечно затягивая переговоры, вводило в заблуждение народ своей страны, требовавший нормализации отношений. Поэтому 28 июля 1923 г. народный комиссар иностранных дел СССР Г. В. Чичерин дал указание прекратить переговоры, поскольку они носили неофициальный характер и не продвигали вперед вопрос об установлении нормальных дипломатических отношений. Советское правительство предложило Японии начать в возможно короткий срок официальные переговоры²².

На этом, собственно, и кончилась третья по счету попытка²³ нормализовать отношения между двумя странами. В итоге переговоров были выяснены основные спорные вопросы и позиция японского правительства. Положительной стороной миссии Иоффе явилось также установление непосредственных контактов с японскими официальными деятелями. Эти контакты получили дальнейшее развитие осенью 1923 г., когда в Москву прибыла делегация представителей торговых палат Японии во главе с председателем Токийской торговой палаты Ямазаки. Делегация посетила ряд крупных городов СССР, ознакомилась с сельскохозяйственной выставкой, была принята М. И. Калининым, Г. В. Чичериным и другими руководящими деятелями СССР.

В сентябре 1923 г. в Японии произошло сильнейшее землетрясение, нанесшее колоссальный ущерб японскому народу. Советское правительство выразило горячее сочувствие японскому населению. М. И. Калинин телеграфировал Дальневосточному ревкому: «Немедленно отдайте распоряжение о посылке пароходов и продовольствия для оказания помощи пострадавшему населению Японии»²⁴.

8 сентября пароход «Ленин» с большим количеством продовольствия (20 тыс. пудов пшеницы, 5 тыс. пудов риса, 3 тыс. пудов рыбы и 22 тыс. пудов других продуктов) и 11 отрядами Красного Креста на борту отправился в Японию²⁵. Японские власти недружелюбно встретили советских посланцев, потребовали себе все грузы, заявив, что они сами распределят продукты среди пострадавшего населения. Советским представителям не было даже разрешено сойти на берег. Враждебные

²¹ Там же.

²² Там же, д. 65, л. 7.

²³ Первой попыткой являлись переговоры в Дайрене в 1921—1922 гг., второй — переговоры в Чаньчуне в 1922 году.

²⁴ «Известия», 5 сентября 1923 года.

²⁵ «Известия», 9 сентября 1923 года.

действия властей вызвали возмущение японской общественности. Министр иностранных дел Уцида вынужден был выразить от имени японского правительства благодарность СССР за помощь²⁶.

18 сентября Президиум ЦИК СССР принял специальное постановление об оказании помощи японскому населению. Была создана центральная комиссия, выделено 200 тыс. рублей золотом. Постановление предусматривало отведение на льготных условиях рыболовных участков и лесных делянок для пострадавшего японского населения, освобождение от таможенных пошлин грузов, идущих в Японию, и ряд других мероприятий²⁷.

Советская комиссия вынесла решение предоставить японскому населению 70 рыболовных участков на побережье Приморья с льготной арендной платой, а также сдать на льготных условиях в аренду лесные участки общей площадью в 500 тыс. десятин на Амуре, Камчатке и в Приморье²⁸.

Японский посланник в Пекине Иошизава сообщил советскому полпреду 5 декабря, что Япония принимает советское предложение при условии передачи рыболовных участков и лесоразработок японским промышленникам, которые будут отчислять в пользу пострадавших некоторую долю дохода²⁹. Таким образом, японские дельцы хотели использовать благородную помощь СССР в целях наживы. Советское правительство отклонило это условие.

В сентябре 1923 г. правительство СССР начало дипломатический зондаж в целях возобновления советско-японских переговоров. 22 сентября новый советский дипломатический представитель на Дальнем Востоке, Л. М. Карахан, в беседе с японским посланником Иошизава напомнил о предложении Советского правительства возобновить переговоры³⁰. Экономически заинтересованные в них деловые круги Японии начали оказывать давление на правительство. 4 октября газета «Асахи» сообщила, что по настоянию общества рыбопромышленников японское правительство заявило о намерении возобновить переговоры, которые намечалось открыть не позднее 20 октября и закончить до начала рыболовного сезона (середина апреля) 1924 года.

Однако в этот срок переговоры начаты не были. Причиной тому явилось продолжавшееся сопротивление со стороны японских военных кругов, сумевших укрепить свои позиции в стране. В сентябре 1923 г. правительство возглавив представитель военщины адмирал Ямато, провозгласивший своей главной внутривнутриполитической задачей подавление демократического движения в Японии и опасавшийся, что восстановление отношений с СССР и признание Советского государства дадут новый толчок развитию этого движения.

Стремясь подавить выступления трудящихся, японские правящие круги проводили политику жестоких репрессий и преследований. Особенно усилились репрессии осенью 1923 года. Японское правительство воспользовалось народным смятением во время сентябрьского землетрясения и организовало кровавые погромы корейского населения, спровоцировало убийства передовых демократических и рабочих лидеров. В течение нескольких дней было арестовано свыше 1 300 рабочих, крестьян, интеллигентов. В тюрьмах была учинена зверская расправа над коммунистами и социалистами. Из рядов молодой Коммунистической партии были вырваны многие активные работники, что подорвало силы партии и дало возможность ликвидаторской группировке повести дело

²⁶ АВП СССР, ф. 0146, д. 61, л. 28.

²⁷ Там же, лл. 18—20.

²⁸ Там же, д. 15, лл. 3—4.

²⁹ См. «Известия», 23 февраля 1924 года.

³⁰ АВП СССР, ф. 0146, д. 15, л. 6.

к свертыванию деятельности партии, а затем и к ее самороспуску. Все это ослабило на некоторое время рабочее и демократическое движение. Был нанесен удар силам, активно выступавшим за установление и развитие отношений с СССР. Военщина и реакционные, антисоветски настроенные круги использовали сложившуюся обстановку, чтобы затормозить возобновление переговоров с СССР.

Прежде всего это сказалось на урегулировании рыболовного вопроса. Комиссия, созданная по условиям временного рыболовного соглашения от 21 мая 1923 г., начала работу 15 июля. Переговоры по вине японских представителей проходили весьма напряженно и в конце марта — начале апреля 1924 г. приобрели особенно острый характер. Японская печать начала публиковать статьи, в которых угрожала разрывом переговоров и объявлением «свободного лова» в советских водах³¹.

Советское правительство, не дожидаясь окончания переговоров и игнорируя японские угрозы, 1 апреля 1924 г. провело торги без участия Японии. Твердая позиция СССР произвела отрезвляющее впечатление на японских промышленников. Япония заявила, что принимает советские условия; затем состоялись дополнительные торги, на которых японские представители получили 1 краболовный и 229 рыболовных участков на общую сумму 1 766 тыс. рублей. Тогда же было подписано временное соглашение по рыболовному вопросу, определявшее условия рыболовства на сезон 1924 года. По этим условиям Япония признала задолженность в 2 750 тыс. руб. за использование рыболовных участков в прежние годы. Была на 15% повышена арендная плата, перераспределены лучшие участки в пользу советских государственных организаций и установлена норма улова в 7 млн. пудов (в сезон). Японии не разрешалось заниматься рыболовством во внутренних водах Советского Дальнего Востока³².

И на этот раз Советскому правительству удалось заставить Японию перейти от хищнического лова к договорным отношениям. Следует вместе с тем заметить, что и в 1924 г. японские промышленники нарушали соглашение, проводя «свободный лов» рыбы на не сданных им в аренду участках. У западных берегов Камчатки браконьерствовало, например, около 30 японских судов. 18 сентября Советское правительство направило Японии ноту протеста против незаконных действий японских рыбопромышленников³³.

Соглашение 1924 г. носило временный характер. Советское правительство неоднократно подчеркивало, что окончательное урегулирование рыболовного вопроса возможно лишь при одновременном решении основных политических проблем. Японские рыбопромышленники и связанные с ними деловые круги оставались, таким образом, заинтересованными в урегулировании отношений с СССР.

На позиции Японии в вопросе нормализации отношений с Советским Союзом не могло не сказаться также и обострение японо-американских и японо-английских противоречий в 1924 году.

В послевоенный период район Тихого океана, в частности Дальний Восток, стал одним из первостепенных в мировой политике. Это было обусловлено громадным хозяйственным ростом тихоокеанских стран. Особенно разительно возросла их торговля с США. Вывоз дальневосточных товаров в Соединенные Штаты утроился, а ввоз американской продукции сюда увеличился в 4 раза³⁴. Повышение роли тихоокеанских стран в торговле великих империалистических держав привело к дальнейшему обострению противоречий между ними в борьбе за первенство на Дальнем Востоке. Американские и английские монополии вытесняли

³¹ См. «Известия», 21 августа 1923 года.

³² АВП СССР, ф. 146, д. 16.

³³ «Известия», 20 сентября 1924 года.

³⁴ Журнал «Новый Восток», 1925, № 7, стр. 24.

Японию с рынков Китая, Южных морей и полосы отчуждения КВЖД. Так, объем японской торговли в районе Южных морей упал со 180 млн. иен в 1920 г. до 97 млн. в 1923 году. Обострившиеся противоречия сказывались на сокращении ввоза японских товаров в США, в первую очередь шелка и шелка-сырца³⁵.

Отношения между Японией и США резко ухудшились и в связи с некоторыми политическими моментами. В мае 1924 г. в США был принят новый закон об иммигрантах, запрещавший иностранцам въезд в Соединенные Штаты. Этот закон вызвал волну антиамериканских настроений в Японии, поскольку был направлен прежде всего против японской эмиграции. Верхняя и нижняя палаты японского парламента приняли официальные резолюции протеста. Используя недовольство народа новым иммиграционным законом, многочисленные организации в Японии, выступавшие против политики США, развернули широкую антиамериканскую кампанию. По всей стране прошли сотни митингов, был объявлен бойкот американских товаров и кинофильмов.

Еще большее возбуждение в Японии вызвала речь морского министра США Вильбурга, заявившего 5 сентября 1924 г. в Сан-Франциско, что Соединенным Штатам с Тихого океана угрожает «агрессивность народа, поддающегося влиянию духа черни и вспышке страсти. Но... ничто так не охлаждает горячего темперамента, как кусок холодной стали»³⁶.

Вслед за тем США провели военно-морские маневры в Тихом океане. Японская печать тогда писала, что «маневры должны рассматриваться как крупная демонстрация, направленная против Японии»³⁷. В США была развернута также широкая пропаганда вооружения и укрепления Гавайских островов. Пресса требовала удвоить воздушные силы и число подводных лодок на Гавайях, превратить острова в неприступную крепость³⁸.

В свою очередь, Англия в 1923 г. начала строительство Сингапурской военной базы, которая угрожала прежде всего Японии³⁹.

Обострение обстановки на Тихом океане, угроза совместных выступлений Англии и США заставляли японское правительство искать опору на международной арене. Соглашение с СССР было тем фактором, который усиливал Японию перед лицом английского и американского империализма.

Сложная внутренняя обстановка также гонкала японское правительство к скорейшему урегулированию отношений с Советским Союзом. Демократические силы страны оправались от тех репрессий, которые обрушились на них в сентябре 1923 года. Весна 1924 г. характеризовалась для Японии новым подъемом демократического движения. Широкие народные массы требовали расширения избирательных прав, усиления полномочий парламента, изменений внешней политики. В стране резко усилилась классовая борьба. В одной только провинции Хиого произошло в 1924 г. 146 крестьянских волнений. Значительно возросло количество выступлений рабочих. Если в 1922 г. было зарегистрировано 49 рабочих конфликтов, то в 1923 г.— уже 271, а за первые 9 месяцев 1924 г.— 264⁴⁰.

Реакционное правительство Киоура, пришедшее к власти в январе 1924 г., на выборах в парламент в мае потерпело поражение и вынуждено было уйти в отставку. Новое правительство, возглавленное Като Комей — лидером оппозиционной партии «Кенсейкай», — не могло не счи-

³⁵ С. Катаяма. Япония и Америка. М. 1925, стр. 8—9.

³⁶ Цит. по журналу «Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 4, стр. 84.

³⁷ Там же, стр. 86.

³⁸ См. журнал «Международная жизнь», 1925, № 3, стр. 97.

³⁹ См. журнал «Новый Восток», 1925, № 7, стр. 26.

⁴⁰ Там же, стр. 28, 30.

таться с размахом демократического движения в стране и широкой волной пацифизма, охватившей в те годы почти все капиталистические страны. Оно вынуждено было пойти на проведение ряда реформ внутри страны, а во внешней политике маневрировать, прикрывать агрессивные устремления разговорами «о мирной политике», о готовности к соглашениям и т. д.

Экономические и политические факторы, вынуждавшие капиталистический мир нормализовать и развивать отношения с Советской Россией (урегулированием советско-английских отношений открылась так называемая полоса признания Советского Союза), действовали и в Японии. Приверженцы сближения с нашей страной одержали победу. Политика министра иностранных дел Сидэхара в отношении СССР была более реалистической, нежели политика его предшественников.

14 мая 1924 г. в Пекине начались официальные переговоры между японским посланником Иошизава и советским полпредом Л. М. Караханом, имеющие целью возобновление нормальных отношений между двумя странами⁴¹.

К 23 мая, после восьми заседаний, были выработаны основные принципы договора, но позиции сторон оставались не согласованными по вопросу о Северном Сахалине. Под давлением монополистических кругов, заинтересованных в эксплуатации нефтяных и угольных месторождений на Северном Сахалине, японская делегация под предлогом неурегулированности николаевского инцидента не хотела определить сроки эвакуации Северного Сахалина⁴². «Япония уже поместила крупный капитал на Сахалине,— заявил в июне 1924 г. бывший военный министр генерал Танака,— и поэтому решить вопрос об эвакуации не так легко, если только вопрос о Николаевске не будет улажен»⁴³. Получение нефтяных концессий на Северном Сахалине было обязательным условием, которое выдвигало командование военно-морским флотом для заключения соглашения⁴⁴.

Переговоры снова вступили в критическую стадию. Иошизава с группой специалистов 12 июля по поручению правительства выехал на Северный Сахалин, чтобы на месте познакомиться с расположением нефтяных месторождений и их состоянием⁴⁵. На основании его сведений было выработано требование японской делегации — предоставить Японии концессии на 60% всех разведанных нефтяных полей.

4 августа переговоры были возобновлены. Иошизава передал советскому полпреду проект «Конвенции, охватывающей основные принципы отношений между Японией и СССР».

Вторая статья проекта предусматривала полное признание Портсмутского договора. Другие договоры и соглашения, заключенные до 7 ноября 1917 г., должны были быть пересмотрены на специальной конференции. Советское правительство в связи с этим сделало заявление о снятии с себя политической ответственности за заключение Портсмутского договора.

Япония настаивала также на сохранении рыболовной конвенции 1907 г., заключенной царским правительством. Советская делегация считала необходимым ограничить действие конвенции в соответствии с интересами Советского государства и его безопасности⁴⁶.

Наибольшие разногласия в ходе дальнейших переговоров вызвал вопрос о концессиях на Сахалине. Япония предложила СССР предоста-

⁴¹ «Известия», 22 мая 1924 года.

⁴² R. N. Akagi. Указ. соч., стр. 423.

⁴³ См. «Известия», 1 июля 1924 года.

⁴⁴ АВП СССР, ф. 0146, л. 65, л. 31.

⁴⁵ Иошизава Кенкити. Гайко рокудзюнен (60 лет дипломатической работы). Токио. 1958, стр. 74—78.

⁴⁶ АВП СССР, ф. 0146, л. 61, лл. 61—65.

вить японским промышленникам концессии на эксплуатацию 60% известных ей нефтеносных полей Северного Сахалина, а также концессии на добычу угля в том же районе. Советская делегация отвергла этот проект и предложила японской стороне концессии на эксплуатацию 40% нефтеносных полей и на угольные копи в районе Дуэ с отчислением в пользу СССР за использование концессий определенного процента добычи нефти (от 10 до 15%) и угля (от 5 до 12%)⁴⁷.

Предлагавшийся японской стороной проект дополнительной ноты содержал требование, чтобы Советское правительство выразило сожаление по поводу инцидента в Николаевске. Протоколом «А» предусматривался полный вывод японских войск в течение определенного срока с Северного Сахалина. Однако вопрос об эвакуации военных сил Японии в значительной степени связывался с урегулированием вопроса о долгах царского и Временного правительств⁴⁸. Советский вариант протокола «А» оговаривал двухнедельный срок со дня вступления в силу протокола для вывода японских войск с Северного Сахалина. На эвакуированной территории немедленно восстанавливалась власть правительства СССР. Советский контрпроект предусматривал также обмен нотами, в которых высказывались бы сожаления со стороны СССР о событиях в Николаевске, а со стороны Японии — о поведении японских войск в Сибири⁴⁹.

В 1918 г., во время гражданской войны, Румыния оккупировала советскую территорию — Бессарабию. Послы четырех держав (Англии, Франции, Японии и Румынии) в 1921 г. подписали протокол о признании Бессарабии частью Румынии. Япония не ратифицировала этот протокол. Советские представители предложили японскому правительству сделать заявление, что оно и в дальнейшем не ратифицирует протокола⁵⁰.

Л. М. Карахан предупредил японского представителя, что советский контрпроект является последним решением правительства СССР и в случае несогласия Японии переговоры будут прерваны. Советское правительство допускало редакционные изменения некоторых статей и было готово обсудить вопрос о проценте отчислений в пользу Советского Союза с нефтяных и угольных концессий.

Военщина, а также монополистические круги, тесно связанные с англо-американским капиталом, выступали против соглашения с СССР, настаивали на принятии невыгодных для Советского государства требований, стремились сорвать переговоры путем организации различных конфликтов. Во время переговоров японские военные суда нарушали советские территориальные воды и заходили в дальневосточные порты, не соблюдая правил, установленных международным морским правом⁵¹. Это было определенной формой нажима на СССР. Однако Советское правительство заявило Японии решительный протест и твердо стояло на своих позициях.

Затягивая переговоры, японские правящие круги надеялись на то, что внешнеполитическое положение Советского Союза осложнится в связи с попытками США и Франции сорвать советско-китайское соглашение от 31 мая 1924 г. и взять под свой контроль управление КВЖД. Вскоре, однако, выяснилась беспочвенность расчетов Японии. В сентябре 1924 г. было достигнуто соглашение между СССР и маньчжурскими властями об установлении совместного управления на КВЖД, и оно успешно осуществлялось. Серьезный удар по планам японских правящих кругов нанесло развитие национально-освободительной борьбы в Китае, провозглашение Монгольской Народной Республики и провал английской авантюры в Синьцзяне.

⁴⁷ Там же, лл. 82—83.

⁴⁸ Там же, лл. 66—67.

⁴⁹ Там же, лл. 88, 92.

⁵⁰ Там же, лл. 89—91.

⁵¹ Там же, д. 65, л. 31; д. 50, л. 52.

После урегулирования советско-китайских отношений КВЖД вновь стала важнейшим звеном трансконтинентального пути, соединяющего по кратчайшему расстоянию порты Балтийского и Японского морей. Японское правительство сознавало, что от позиции СССР во многом зависела перевозка продуктов Восточной Азии в Европу и снабжение Японии продукцией европейской промышленности, а также сырьем из Синьцзяна, Монголии и СССР. Без восстановления нормальных дипломатических отношений с Советским Союзом Япония не могла надеяться на использование КВЖД и Транссибирской железной дороги для провоза промышленной продукции и сырья из Европы в случае конфликта с США.

Серьезное влияние на позицию Японии оказала также гибкая советская политика в отношении концессий на Сахалине. Американская компания «Синклер ойл корпорейшн» еще в 1920 г. предложила РСФСР заключить с нею соглашение о нефтяной концессии на Сахалине. Договор (сроком на 36 лет) был утвержден СНК РСФСР в начале 1923 года⁵². Это встревожило японское правительство, которое опасалось, что ему придется уступить США нефтеносные участки на Северном Сахалине. Посредством же советско-японского соглашения Япония надеялась закрепить свои позиции в этом районе.

Японские рыбопромышленники не были удовлетворены временным характером соглашений по рыболовным вопросам. Рыболовные компании настаивали на заключении общеполитического японо-советского соглашения, на базе которого было возможно стабильное урегулирование рыболовной проблемы.

Все эти обстоятельства, а также твердость позиции советской дипломатии заставили Японию пойти на уступки в ходе переговоров, в частности в вопросах об эвакуации Сахалина и о нефтяных концессиях⁵³.

Советско-японские переговоры завершились подписанием 20 января 1925 г. советско-японской конвенции об основных принципах взаимоотношений⁵⁴.

Не имея в тот период возможности ликвидировать последствия поражения царской России в русско-японской войне, Советское правительство вынуждено было признать действительность несправедливого Портсмутского договора, в частности статей, оставлявших за Японией исконную русскую землю — Южный Сахалин. При подписании конвенции была оглашена специальная декларация со следующей оговоркой: «Признание действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г. никоим образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение сказанного договора»⁵⁵.

Декларация свидетельствовала о том, что признание договора носило временный характер, и советский народ надеялся на отмену в будущем его тяжелых и несправедливых условий. Соглашаясь подтвердить Портсмутский договор, Советское правительство имело в виду то обстоятельство, что в то время ряд положений договора мог служить укреплению мира на Дальнем Востоке. К таким положениям относились: запрещение содержания японских войск на территории Маньчжурии и признание суверенитета Китая над ней; запрещение строительства военных укреплений и любых военных сооружений на Сахалине и на прилегающих к нему островах; запрещение принятия военных мер, могущих препятствовать свободному плаванию в проливах Лаперуза и Татарском; обязательство России и Японии воздерживаться «от принятия на русско-корейской границе каких-либо военных мер, могущих угрожать безопас-

⁵² «Известия», 27 и 28 января 1923 года.

⁵³ АВП СССР, ф. 0146, д. 61, лл. 114—117.

⁵⁴ «Внешняя политика СССР». Сборник документов. Т. III. М. 1945, стр. 3 и сл.

⁵⁵ Там же, стр. 8.

ности русской или корейской территории»; обязательство России и Японии эксплуатировать «принадлежащие им Маньчжурские железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных и никоим образом не в целях стратегических»⁵⁶.

По условиям конвенции 1925 г., обе стороны обязывались в своих взаимоотношениях исходить из принципа невмешательства во внутренние дела, воздерживаться от всякой, открытой или скрытой, враждебной деятельности друг против друга. Специально говорилось о пересмотре в дальнейшем рыболовной конвенции 1907 г. с учетом тех перемен, которые могли иметь место в общих условиях. Конвенция 1925 г. предусматривала заключение договора о торговле и мореплавании на принципах свободы въезда, передвижения, права частной собственности и свободы заниматься торговлей, мореплаванием, промыслами и другими мирными занятиями в соответствии с законами страны.

Правительство СССР заявляло о готовности предоставить японским подданным концессию на эксплуатацию минеральных, лесных и других естественных богатств. Привлечение японского капитала позволяло Советскому правительству ускорить восстановление хозяйства Дальнего Востока, разрушенного интервентами и белогвардейцами.

Согласно протоколу «А», приложенному к конвенции, все вопросы о долгах правительству или подданным Японии в связи с займами царскому и Временному правительствам оставались для разрешения на последующих переговорах. Японское правительство обязывалось полностью вывести войска с Северного Сахалина.

Протокол «В» был специально посвящен вопросу о концессиях и предусматривал предоставление японским подданным концессий на эксплуатацию 50% известных Японии нефтяных месторождений на Северном Сахалине. Советское правительство разрешало произвести в срок от 5 до 10 лет разведку нефтяных месторождений на площади в 1 тыс. кв. км и 50% этих месторождений, в случае их обнаружения, передать в концессию японским подданным. Предоставлялись концессии и на угольные месторождения. В пользу СССР должно было отчисляться от 5 до 8% валовой добычи угля и от 5 до 15% валовой добычи нефти⁵⁷.

Заключение советско-японской конвенции завершило важный этап борьбы СССР за нормализацию отношений с главными капиталистическими странами. Планы создания единого антисоветского фронта для организации новой интервенции против Советского Союза были сорваны. Соглашение вызвало большое недовольство правящих кругов США и западноевропейских держав, опасавшихся советско-японского сближения.

Агрессивные японские круги откровенно высказывали недовольство соглашением. В печати и с трибуны парламента они заявляли, что «переговоры представляют собой поражение японской дипломатии»⁵⁸.

Однако среди широких кругов японской общественности преобладал реалистический подход к вопросу. Редакция известного японского журнала «Тойо» опросила общественных и политических деятелей Японии по поводу заключения советско-японского соглашения. В большинстве ответов красной нитью проходила мысль, что заключение соглашения улучшило и международное и экономическое положение Японии⁵⁹, вывело ее из состояния международной политической изоляции и создало условия для широкого политического и экономического сотрудничества с СССР.

Лозунг советско-японского сближения встретил горячую поддержку трудящихся масс и передовой интеллигенции Японии. Общество русско-

⁵⁶ «Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока». СПб. 1915, стр. 741—753.

⁵⁷ «Внешняя политика СССР». Т. III, стр. 5—7.

⁵⁸ «Вестник Маньчжурии», 1926, № 1—2, стр. 28.

⁵⁹ Там же, стр. 17.

японской дружбы организовало в начале февраля митинг в Токио, на котором присутствовали члены парламента, многочисленные представители трудящихся, профессора, студенты⁶⁰. Пребывание в сентябре 1925 г. в Японии делегации советских рабочих, приехавших по приглашению японских профсоюзов, вылилось в мощную демонстрацию симпатий японского трудового народа к СССР.

Конвенция с Японией явилась серьезным успехом советской дипломатии. Империалистические расчеты японских правящих кругов добиться существенных материальных и политических выгод в ущерб интересам Советского государства были сорваны твердой и в то же время гибкой политикой Советского правительства. Конвенция укрепила позиции СССР — великой тихоокеанской державы, определила основы взаимоотношений двух государств и способствовала стабилизации обстановки на Дальнем Востоке. Советское правительство стремилось к тому, чтобы отношения СССР и Японии строились на принципе мирного сосуществования, были добрососедскими и исключали какие-либо агрессивные действия со стороны японских милитаристов.

Советско-японская конвенция регулировала отношения между двумя странами в течение двадцати лет. Она открыла возможности для широкого развития экономических, культурных и политических связей между двумя странами. Однако японские правящие круги не использовали их. Вместо укрепления добрососедских отношений, развития взаимовыгодной торговли, экономического и культурного сотрудничества японские правящие круги встали на путь агрессии. Совершив в 1938 г. открытое нападение на советскую территорию, а в 1939 г. — на союзную нам МНР, Япония вступила затем в военный блок с фашистскими государствами — Германией и Италией. Несмотря на пакт о нейтралитете, подписанный в 1941 г., Япония не прекратила подготовку к войне против Советского Союза, непрестанно создавала пограничные инциденты, мешала советскому судоходству на Дальнем Востоке. Японские правители помогали фашистской Германии вести войну против СССР, превратили пакт в клочок бумаги, фактически ликвидировали его.

В августе 1945 г. в целях прекращения мировой войны и ликвидации постоянной угрозы своим границам на Дальнем Востоке Советский Союз вступил в войну против Японии. Военный разгром похоронил бредовые планы японских империалистических кругов о подчинении себе Азии, и в том числе Советского Дальнего Востока. Опыт взаимоотношений двух стран свидетельствует о том, что путь вооруженной интервенции и агрессии, к которым не раз прибегали японские милитаристы, ведет лишь к самым роковым последствиям.

По инициативе СССР в 1955 г. с Японией были начаты переговоры о восстановлении дипломатических отношений и заключении мирного договора. Они показали, что Советский Союз стремится к созданию духа сотрудничества и взаимопонимания в отношениях между двумя странами. Конструктивная позиция СССР привела к подписанию в октябре 1956 г. декларации о прекращении состояния войны и установлении дипломатических отношений. Однако до сих пор мирный договор еще не подписан. Предложения Советского Союза о переговорах не встречают положительной реакции со стороны японских правящих кругов.

Японский народ хочет прочного мира и безопасности, процветания своей страны, развития ее экономики. Опыт истории говорит о том, что эти задачи могут быть решены на путях проведения независимой, нейтральной политики, развития дружественных связей Японии с СССР и КНР.

⁶⁰ «Известия», 18 февраля 1925 года.